

Высшая
школа экономики

БИБЛИОТЕКА

ГЕНЕРАЛЬНАЯ ПРОКУРАТУРА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Мк

ISSN 0869 - 4486

ЗАКОНОСТЬ

КРИМИНАЛЬНЫЕ БАНКРОТСТВА
Комментарий учёного

■
СЛЕДСТВЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ
Акты надзора

■
ПРИМЕЧАНИЕ К ст. 291 УК
Освобождение от ответственности

12

2012

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ПРАВОВОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

ЗАКОННОСТЬ

Индекс 70871

Издаётся с 1934 года

№ 12
(938)

Учредители:

ГЕНЕРАЛЬНАЯ ПРОКУРАТУРА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ,
РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА

Главный редактор
ЗАИКИН Н.П.

Редакционная коллегия:

АНКУДИНОВ О.Т.,

БОЖЬЕВ В.П.,

ВАСИЛЬЕВА Л.Е.,

КЕХЛЕРОВ С.Г.,

КОБЗАРЬ В.А.

(зам. гл. редактора),

МАКАРОВ В.А.,

МЫЦЫКОВ А.Я.,

ХАЛИУЛИН А.Г.,

ЯНИ П.С.

Набор и вёрстка

ЯКОВЛЕВА С.Н.

Редакция журнала

Б. Дмитровка, 9

строение 6

Москва К-9

Индекс 125009.

Тел./факс: (495) 629-01-06

E-mail:

pressazakon@yandex.ru

Подписано в печать

19.11.2012

Формат 70 x 108 1/16.

Бумага кн.-журн.

Офсетная печать.

Усл. печ. л. 5,6.

Усл. кр.-отт. 5,93.

Зак. 2147

Тираж 7000.

Отпечатано в ОАО

«Первая Образцовая типография»

филиал «Чеховский Печатный Двор»

142300, Московская область,

г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1

Сайт: www.chpk.ru.

E-mail: marketing@chpk.ru

факс 8(496) 726-54-10,

тел. 8(495) 988-63-87

© "Законность", 2012

СОДЕРЖАНИЕ

Теория и практика прокурорского надзора

В. ИСАЕНКО

- Акты прокурорского надзора
за исполнением законов при производстве
следственных действий

3

А. МАЛОВ

- Сотрудничество
Генеральной прокуратуры РФ
с компетентными органами зарубежных
государств в вопросах экстрадиции

6

Н. АЛЕШКОВА

- Требование прокурора об изменении
нормативного правового акта
при выявлении в нём коррупциогенных
факторов

10

Разъясняем, комментируем, анализируем

П. ЯНИ

- Фальсификация Единого государственного
реестра юридических лиц –
имущественное преступление?

15

А. ЛЯСКАЛО

- Уголовно-правовая оценка некоторых
объективных признаков
криминальных банкротств

18

Обмен опытом

М. ФАТЫХОВ,

М. ВАВИЛИН

- Устранение институционально-
правовых проблем развития
туристических территорий мерами
прокурорского реагирования

25

Е. КУРИЛОВА

- Надзор за исполнением законов
в экологической сфере

28

Е. ВАСИЛЬЕВА

- Сверка как способ защиты прав
предпринимателей при осуществлении
прокурорского надзора

31

Н. СИМАК

- Прокурорский надзор в сфере
реализации приоритетных
национальных проектов

33

Возвращаясь к напечатанному

А. ЧУРКИН

- Обжалование действий органов, осуществляющих
оперативно-розыскную деятельность

36

Точка зрения

Р. АКУТАЕВ,

Ю. ШАХАЕВ

- Совершенствование
регистрации и учёта преступлений

40

Актуальная проблема

Д. ГУРУЛЁВ

- Несовершенство ст. 234 УК, влекущее
необоснованное освобождение
работников аптек от уголовной
ответственности

46

Исследования, полемика, предложения

О. ОЛЕЙНИК

- Преюдиция в правовом механизме
защиты прав хозяйствующих субъектов

50

А. ЩЕПОТИН

- Освобождение от уголовной
ответственности на основании
примечания к ст. 291 и другим статьям
Особенной части УК

55

Страницы истории

А. ЦАЛИЕВ

- Россия и правовое государство
(к 1150-летию образования
Российского государства)

57

Официальный раздел

Из практики прокурорского надзора

Информация для системы Российской индекса научного цитирования (РИНЦ)

Высшая

67

Указатель материалов, помещённых в журнале в 2012 г.

школа экономики
БИБЛИОТЕКА

72

ПРЕЮДИЦИЯ В ПРАВОВОМ МЕХАНИЗМЕ ЗАЩИТЫ ПРАВ ХОЗЯЙСТВУЮЩИХ СУБЪЕКТОВ

Развитие и становление определённого правового порядка предполагает обеспечение стабильности и предсказуемости правовых норм и практики их применения. Достижению этой цели служат некоторые правовые конструкции и институты, среди которых нужно назвать преюдицию. Под преюдициальными фактами, как известно, понимают факты, которые уже установлены судебным актом по другому делу и не подлежат повторному доказыванию (от латинского "praejudicium" – "предрешение").

Конструкцией преюдиции в значительной степени определяется соотношение разных видов процессов, их взаимное или одностороннее признание и уважение, не говоря уже о том, что в зависимости от признания или непризнания тех или иных обстоятельств в отдельных видах процессов можно конструировать способы защиты нарушенных прав. Кроме того, институт преюдиции служит в определённой степени цели повышения эффективности судебной деятельности, поскольку он позволяет экономить расходование судебного времени в отношении тех обстоятельств, которые уже были установлены судом.

Как справедливо отметил Конституционный Суд РФ в постановлении от 21 декабря 2011 г. № 30-П, признание преюдициального значения судебного решения, будучи направленным на обеспечение стабильности и общеобязательности судебного решения, исключение возможного конфликта судебных актов, предполагает, что факты, установленные судом при рассмотрении одного дела, впредь до их опровержения принимаются другим судом по другому делу в этом же или ином виде судопроизводства, если они имеют значение для разрешения этого дела. Тем самым преюдициальность служит средством поддержания непротиворечивости судебных актов и обеспечивает действие принципа правовой определённости.

С позиций потребностей экономического оборота, необходимости обеспечения прав хозяйствующих субъектов преюдицию можно рассматривать как один из важнейших элементов правового механизма защиты нарушенных прав, эффективное применение которой создаёт необходимые гарантии стабильности и надёжности.

В российском правоведении институт преюдиции остро обсуждался как учёными, так и практиками, причём позиции сторон чаще всего так и оставались диаметрально противоположными, чрезвычайно резкими и непримиримыми¹. Достаточно вспомнить обмен мнениями представителями различных отраслей права, который состоялся совсем недавно.

Как наиболее радикальная в этих дискуссиях может быть обозначена позиция П. Скобликова, который, последовательно выступая за приоритет уголовного процесса, даже выдвинул тезис о том, что "решение по гражданскому (арбитражному) делу – форма мошенничества, следовательно, оснований принимать во внимание такие судебные решения у судов, разрешающих уголовные дела, нет"². И далее он высказал мнение о том, что в гражданском (арбитражном) процессе, где главенствует принцип состязательности и состязаются частные, неравные по своим возможностям субъекты, успех зачастую сопутствует не тому, кто прав по существу, а тому, кто силь-

¹ См.: Скобликов П.А. Преюдиция актов арбитражных судов в уголовном процессе: новое прочтение. – Журнал российского права, 2009, № 2; Лазарев В.В. Прецедентное решение Конституционного Суда РФ. – Журнал российского права, 2009, № 6; Афанасьев С. Преюдиция или процессуальный капкан. – Новая адвокатская газета, 2010, № 7; Прошляков А.Д. О значении вступившего в законную силу решения арбитражного суда по гражданскому делу для органов уголовного судопроизводства. – Российский юридический журнал, 2009, № 2.

² Скобликов П.А. Арбитражный и уголовный процесс: коллизии в сфере доказывания и пути их преодоления. М.: Норма, 2008, с. 14–15.

нее – прежде всего в финансовом отношении, ибо этот ресурс легко трансформируется во все другие.

Правда, в отношении этого тезиса практически сразу же было высказано совершенно обоснованное критическое мнение Н. Колоколова, который отметил, что этот вывод не более чем софизм, поскольку налицо подмена основания в споре, так как преюдициальное значение может иметь только правосудное судебное решение, если таковое скрывает мошенничество, то это не более чем повод для его отмены, ибо сущность правосудия такова – по одному и тому же спору взаимоисключающих выводов суда быть не должно. Если такие существуют, то это прямое свидетельство несовершенства в сфере организации судопроизводства³.

В декабре 2009 г. институт преюдиции претерпел существенные изменения на уровне законодательства. В УПК РФ Федеральным законом от 29 декабря 2009 г. № 383-ФЗ были внесены весьма разумные и своевременные изменения, в результате которых современная редакция приобрела следующий вид:

"Обстоятельства, установленные вступившим в законную силу приговором либо иным вступившим в законную силу решением суда, принятым в рамках гражданского, арбитражного или административного судопроизводства, признаются судом, прокурором, следователем, дознавателем без дополнительной проверки. При этом такие приговор или решение не могут предрешать виновность лиц, не участвовавших ранее в рассматриваемом уголовном деле".

Принято утверждать, что кроме этой преюдиции, которая может быть обозначена как общая, в отдельных случаях преюдициальное значение в уголовном процессе имеют акты гражданского судопроизводства. Такую преюдицию можно назвать специальной, поскольку она предполагает применение предварительных, до привлечения к уголовной ответственности, мер юридической ответственности. Эти случаи предусмотрены Особенной частью Уголовного кодекса РФ. Например, обязательным условием привлечения к уголовной ответственности по ст. 177 УК за злостное уклонение от

погашения кредиторской задолженности является подтверждение факта кредиторской задолженности актом суда общей юрисдикции или арбитражного суда. Иными словами, вступление в законную силу судебного акта о наличии кредиторской задолженности является обязательным признаком состава преступления, предусмотренного ст. 177 УК. Сходную конструкцию имеет состав преступления, предусмотренный ст. 315 УК.

Несколько иначе формулируется правило о преюдиции в гражданском и арбитражном процессах, являющихся формами гражданского судопроизводства. Статья 61 ГПК, определяющая основания для освобождения от доказывания, содержит указание на то, что:

а) обстоятельства, установленные вступившим в законную силу судебным постановлением по ранее рассмотренному делу, обязательны для суда. Указанные обстоятельства не доказываются вновь и не подлежат оспариванию при рассмотрении другого дела, в котором участвуют те же лица;

б) при рассмотрении гражданского дела обстоятельства, установленные вступившим в законную силу решением арбитражного суда, не должны доказываться и не могут оспариваться лицами, если они участвовали в деле, которое было разрешено арбитражным судом;

в) вступивший в законную силу приговор суда по уголовному делу обязателен для суда, рассматривающего дело о гражданско-правовых последствиях действий лица, в отношении которого вынесен приговор суда, по вопросам, имели ли место эти действия и совершены ли они этим лицом.

Аналогичным образом сформулирована преюдиция в арбитражном процессе (ст. 69 АПК).

Нетрудно заметить, что после внесения изменений в ст. 90 УПК РФ институт преюдиции приобрёл сбалансированный характер, признающий и закрепляющий идею равенства и равного уважения всех видов производств. Но именно эта идея оказалась не полностью приемлемой для специалистов по уголовному процессу, которые ещё ранее высказывали мысль о существовании в российском правоведении некоторого приори-

³ См.: Колоколов Н.А. Преюдиция. Преступления в сфере экономики: факты одни, а их оценки у судов общей юрисдикции и арбитражных судов разные. – Юрист, 2009, № 6.

ИССЛЕДОВАНИЯ, ПОЛЕМИКА, ПРЕДЛОЖЕНИЯ

тета уголовного процесса. Более того, некоторые ведомства сразу стали готовить проект обратного изменения ст. 90 УПК, было опубликовано значительное количество статей с критическим анализом внесённых изменений.

Своебразная проверка на прочность идеи равенства всех видов судопроизводств была предпринята на уровне Конституционного Суда РФ, который своим постановлением от 21 декабря 2011 г. № 30-П подтвердил конституционность действующей редакции ст. 90 УПК. Именно это дело вызывает серьёзный интерес с точки зрения совершенствования процессуального законодательства. Напомним кратко содержание спора.

В 2007 г. Промышленный районный суд г. Ставрополя удовлетворил иск Чернышовой к В. Власенко и Е. Власенко о признании действительным предварительного договора купли-продажи жилого дома и о понуждении заключить этот договор, а также о признании на него права собственности. Значительно позже в отношении Чернышовой было возбуждено уголовное дело по обвинению её в мошенничестве, а затем в хищении чужого имущества путём обмана, состоявшего в использовании фиктивных документов.

Промышленный районный суд г. Ставрополя, куда Чернышова обратилась с жалобой в порядке ст. 125 УПК, 3 сентября 2010 г. со ссылкой на ст. 90 УПК отменил постановление о возбуждении в отношении её уголовного дела, отметив, что вступившим в законную силу решением от 21 мая 2007 г. тот же суд, исходя из установленных им обстоятельств, признал право собственности на спорный жилой дом за Чернышовой, отказав в удовлетворении встречных исковых требований. Судебная коллегия по уголовным делам Ставропольского краевого суда свой отказ в удовлетворении кассационной жалобы мотивировала необходимостью соблюдения требований ст. 90 УПК. Заявители в своей жалобе в Конституционный Суд РФ указали, что в ходе рассмотрения их

гражданского дела достоверность доказательств, представленных истцом, судом не проверялась.

Анализ дела даёт основания для постановки вопроса о соотношении обстоятельств, установленных в процессе гражданского судопроизводства, с обстоятельствами, установленными в уголовном процессе. Конституционный Суд РФ в анализируемом постановлении дал блестящую квалификацию всем фактическим обстоятельствам, равно как и процессуальным действиям участников процессов.

Прежде всего следует поддержать вывод суда о том, что у каждого из видов судопроизводств есть свой предмет доказывания, и путать их ни в коем случае нельзя. В уголовно-правовых процедурах исследуется вопрос, не входивший в предмет доказывания по гражданскому делу, – в этом случае – о фальсификации доказательств именно как уголовно наказуемом деянии. Если совершение этого преступления будет доказано и постановлен обвинительный приговор, то это послужит основанием для пересмотра по вновь открывшимся обстоятельствам решения по гражданскому делу. Более того, по вполне обоснованному мнению суда, следователь не может и не должен обращаться к вопросу, составлявшему предмет доказывания по гражданскому делу, – о законности перехода права собственности, он оценивает лишь наличие признаков фальсификации доказательств.

Этот вывод КС РФ является особенно ценным, так как он создаёт основания для постановки вопроса об изменении профессионального правосознания правоисполнителей. А о необходимости такого изменения свидетельствуют следующие данные. В ходе небольшого исследования, предполагавшего ответ на вопрос о том, можно ли установить переход права собственности в уголовном процессе и квалифицировать деяние как преступное – в гражданском, были получены следующие результаты.

Вопрос	Да	Нет	Затрудняюсь
Можно ли в гражданском процессе вынести решение о квалификации деяния как хищения	0	96,5	3,5
Можно ли в уголовном процессе решить вопрос о признании права собственности	60,9	4,6	34,5

Приведённые данные позволяют говорить о деформации профессионального сознания. Причём необходимо сразу же понять, что изменить это сознание быстро невозможно. А это означает, что ещё долго будут встречаться предложения об обратном изменении ст. 90 УПК и о преимуществе уголовного процесса над всеми видами процессов. Хотя КС РФ в рассмотренном постановлении указал, что даже подтверждения факта фальсификации доказательств может оказаться недостаточно для пересмотра решения по гражданскому делу, если другие установленные в гражданском процессе данные позволяют признать переход права собственности законным, несмотря на факт фальсификации.

Для преодоления этой деформации и закрепления принципа равенства процессов и взаимной преюдиции можно использовать несколько разных приёмов. Первый состоит в том, чтобы зафиксировать конституционность самого института преюдиции. Несмотря на то, что КС РФ сделал это уже неоднократно, с теоретической точки зрения, на наш взгляд, необходим некоторый дополнительный анализ. В качестве исходной посылки такого анализа должна выступать норма, сформулированная в ст. 118 Конституции РФ, которая устанавливает, что судебная власть осуществляется посредством конституционного, гражданского, административного и уголовного судопроизводства. Эта норма неоднократно была предметом доктринального и правоприменительного анализа, который традиционно состоял в том, что специалисты рассматривали процессуальное законодательство и проблемы формирования отдельных видов процессов, например административного судопроизводства.

На наш взгляд, в этом случае следует обратиться к анализу не столько традиционного разделения процессов, сколько их взаимовлияния и взаимодействия. Проблема прежде всего определяется тем, что в реальной жизни, например, экономические отношения могут одновременно оказаться предметом разных процессов.

Характер рассматриваемых споров и устанавливаемых фактов предопределя-

ет предмет доказывания. Предмету доказывания в каждой процессуально-правовой отрасли посвящено множество работ. В контексте конституционных требований анализировать необходимо не содержание предмета доказывания, а разграничение предметов на базе применения материально-правовых норм. Так, в гражданском процессе действует правило, в соответствии с которым каждый должен доказывать те обстоятельства, на которые он ссылается в обоснование своих требований. При этом суду отводится с одной стороны "созерцательная" функция, поскольку сам суд не собирает доказательств. С другой стороны, суд выполняет организационную и контролирующую функцию, поскольку он определяет предмет доказывания, руководствуясь требованиями относимости и допустимости доказательств, и оказывает содействие в сборе доказательств в тех случаях, когда стороны не могут сами представить соответствующие материалы.

Вторая группа приёмов закрепления преюдиции в сознании профессионалов состоит в том, что необходимо признать, что преюдициальность судебных актов подкрепляется нормой об обязательности судебных решений, содержащейся в ст. 6 ФКЗ от 26 декабря 1996 г. "О судебной системе Российской Федерации". Здесь установлено, что вступившие в законную силу постановления федеральных судов, мировых судей и судов субъектов Федерации, а также их законные распоряжения, требования, поручения, вызовы и другие обращения являются обязательными для всех без исключения органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений, должностных лиц, других физических и юридических лиц и подлежат неукоснительному исполнению на всей территории РФ.

Можно согласиться с Л. Новоселовой и М. Рожковой в том, что обязательность судебного акта означает подчинение всех субъектов выводу суда, содержащемуся в резолютивной части судебного акта, в отношении определённого правоотношения (его части) либо определённого факта⁴. Следовательно, преюдициальное значение отдельных обс-

⁴ См.: Новоселова Л.А., Рожкова М.А. К вопросу о силе судебных актов арбитражного суда. – Вестник ВАС РФ, 2003, № 5.

ИССЛЕДОВАНИЯ, ПОЛЕМИКА, ПРЕДЛОЖЕНИЯ

тоятельств является частной формой проявления обязательности судебных актов. В этом плане и обязательность судебных актов, и преюдициальность направлены на обеспечение стабильности и законности, соблюдение прав и свобод граждан.

Из этого казалось бы теоретического вывода следует весьма практический вопрос: как необходимо поступать судье в определённом виде судопроизводства, если в процессе рассмотрения дела он приходит к выводу, что в другом виде судопроизводства вынесено необоснованное или неправомерное решение? Представляется, что ответ на этот вопрос может быть сформулирован с учётом того, что судья или прокурор – это процессуальное положение, в соответствии с которым они не могут одновременно давать одну оценку определённым обстоятельствам в одном деле и другую – тем же самым обстоятельствам в другом деле. Следовательно, если судья или прокурор приходят к выводу, что те или иные обстоятельства должны быть оценены иным образом, – они должны принять процессуальные меры, обеспечивающие единство судебной практики и осуществления судебной власти. Здесь неоценимую услугу практике правоприменения оказал КС РФ, который по делу Сурикова указал, что "подтверждённые арбитражным судом обстоятельства, свидетельствующие в пользу обвиняемого, могут быть отвергнуты лишь после того, как вступивший в законную силу исполняемый судебный акт арбитражного суда будет аннулирован в предусмотренных для этого процедурах. Иное не соответствовало бы Конституции Российской Федерации и установленным на ее основании уголовно-процессуальным законодательством правилам доказывания". Правда, следует отметить, что российское правоприменение как раз и пошло по этому иному пути, не дающему возможности достичь искомого состояния согласованности.

На наш взгляд, есть ещё одна группа приёмов, при помощи которых нужно достичь необходимого результата. Изложенное позволяет выдвинуть предложение, которое в принципе могло бы завершить дискуссию. Как известно, некоторые нормы арбитражного и гражданско-

го процесса предусматривают специальные правила, ориентированные на применение преюдиции. Здесь следует назвать ст. 215 и 216 ГПК, которые предусматривают обязанность и право суда приостановить производство по делу, где среди прочего закрепляется невозможность рассмотрения дела до разрешения другого дела, рассматриваемого в гражданском, административном или уголовном производстве. Аналогичная норма АПК (ст. 143) также предусматривает обязанность суда приостановить производство по делу в случае невозможности рассмотрения дела до разрешения другого дела, рассматриваемого Конституционным Судом РФ, конституционным судом субъекта РФ, судом общей юрисдикции, арбитражным судом.

Представляется, что полная и согласованная реализация института преюдиции требует, чтобы аналогичная норма появилась и в уголовно-процессуальном законодательстве. Её можно представить в виде внесения дополнений в ст. 208 УПК, предусматривающую основания, порядок и сроки приостановления предварительного следствия, в ч. 1 которой возможно включить п. 5, примерно следующего содержания:

5) в случае, если будет установлено, что между обвиняемым и потерпевшим до возбуждения дела и во время его расследования или рассмотрения возник спор о праве гражданском, без решения которого деяния обвиняемого не могут быть квалифицированы как противоправные.

Аналогичную формулировку следовало бы также включить в ст. 238 УПК, предусматривающую основания приостановления производства по уголовному делу. При этом представляется чрезвычайно важным подчеркнуть сроки возникновения спора о праве гражданском. Этот спор должен возникнуть либо до возбуждения дела, либо в процессе его расследования и рассмотрения.

Такая норма дала бы, на наш взгляд, возможность чётко разграничить предмет доказывания, согласовать разные виды судопроизводств. Разумеется, её введение вызовет массу вопросов. Содержание такой нормы, вероятно, нуждается в детализации и обсуждении, но несомненна её полезность: она исключила бы возможность конкуренции способов

защиты права, сталкивания разных видов процессов.

Можно предположить, что это предложение вызовет серьёзные возражения со стороны специалистов правоохранительных органов. Причём можно ожидать как политизированных возражений "государственников", так и юридико-технической критики учёных. Очевидно, что споры о преюдиции будут длиться

ещё долго, и высказано в этих спорах будет немало.

Но это только свидетельствует о том, что идея равенства в правоприменительной деятельности приживается очень тяжело, если приживается вообще.

О. ОЛЕЙНИК,

профессор, доктор юридических наук,
заведующая кафедрой
предпринимательского права НИУ-ВШЭ.

ОСВОБОЖДЕНИЕ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ НА ОСНОВАНИИ ПРИМЕЧАНИЯ К ст. 291 И ДРУГИМ СТАТЬЯМ ОСОБЕННОЙ ЧАСТИ УК

Примечанием к ст. 291 УК РФ предусмотрена при наличии определённых условий возможность освобождения от уголовной ответственности лица, давшего взятку. Аналогичная возможность освобождения от уголовной ответственности предусмотрена иными статьями УК (204, 122, 126, 184 и др.).

Вместе с тем процедура освобождения лиц от уголовной ответственности является недостаточно исследованной, а вопросы применения этой процедуры вызывают определённые затруднения.

Например, по мнению Е. Фоменко, в целом норма (примечание к ст. 291 УК) является социально обоснованной и применяемой в практической деятельности правоохранительными органами. Вместе с тем такие условия освобождения от уголовной ответственности являются специфичными и не находят своего отражения в уголовно-процессуальном законе, что зачастую приводит к ошибкам правоприменителя и затрудняет ведение статистического учёта этих фактов¹.

Л. Лобанова и Р. Камнев обращают внимание на то, что применение примечаний к ст. 204 и 291 УК в их существующем виде сопряжено с некоторыми процессуальными трудностями, связанными с неопределенностью процессуального статуса лица, освобождённого

от уголовной ответственности в связи с вымогательством взятки². Учитывая специфику преступлений, связанных со взяточничеством, высокий уровень их латентности, представляется актуальным привлечение взяткодателей на сторону правоохранительных органов и побуждение их к сотрудничеству с целью изобличения взяткополучателей, деяния которых представляют большую общественную опасность.

Несомненно, правовые нормы, закреплённые в примечаниях к ст. 291, 204 и другим статьям Особенной части УК, предусматривающие возможность освобождения лиц от уголовной ответственности, стимулируют взяткодателей и иных лиц сообщать в правоохранительные органы о совершённом преступлении и способствовать сотрудничеству указанных лиц с органами предварительного следствия и дознания. Это обстоятельство позволяет эффективнее противодействовать фактам получения взяток должностными лицами (а равно и иным преступлениям), которые имеют большую общественную

¹ См.: Фоменко Е.В. Проблемы, возникающие при решении вопроса об освобождении от уголовной ответственности за подкуп должностного лица. – Адвокатская практика, 2007, № 6.

² См.: Лобанова Л.В., Камнев Р.Г. Вымогательство взятки или коммерческого подкупа как основание освобождения от уголовной ответственности: проблемы законодательной регламентации и правоприменения. – Российская юстиция, 2010, № 3, с. 10–17.